

ный тип княжеской и владычной булл еще не был выработан.

Тем более этот тип не может иметь функционального характера. Предположенное Б. А. Рыбаковым назначение этих булл как печатей тайной переписки могло бы иметь обоснование, если бы печати «Дья́слово» в руках одних и тех же владельцев сосуществовали с другими сфрагистическими типами. Между тем при относительной многочисленности булл «Дья́слово» до сих пор не известны какие-либо другие печати, которые можно было бы отнести князю Ярославу Святополковичу или полоцкому епископу Мише. Наличие других типов печатей Давида Святославича, Мстислава Владимировича и Святополка Изяславича не меняет картины: они принадлежат к иным отрезкам времени, нежели печати «Дья́слово». Даже допустив сосуществование разных типов булл в последних трех случаях, мы остановимся перед недоуменным вопросом: почему же на рубеже XI—XII вв., и только в это время, секретная переписка возобладала над всеми другими видами официального письма?

Предпринятый анализ лишает надпись «Дья́слово» какого-либо специального содержания. Эта надпись, будучи помещена на печати вообще, может содержать в себе только общий смысл. Она имеет отношение лишь к способу оформления письма или акта, которые обычно свертывались или складывались, а снаружи оставлялась только печать на шнуре. Смысл надписи сводится к тому, что она приглашает прочесть скрепленный печатью документ: «слово внутри, разверни и читай». Персонализация печати, превращение ее в говорящий ярлык — явление, чрезвычайно распространенное в византийской сфрагистике, и аналогия, указанная Н. П. Лихачевым, — лишь частный случай такой персонализации.

Не исключена возможность, что своим возникновением эта надпись обязана общей тенденции, проявившейся на рубеже XI—XII вв. и направленной к поискам типа буллы, русской по своему оформлению. В этих условиях вместе с новым типом, оказавшимся недолговечным, могло возникнуть и новое слово, имевшее значение синонима понятию «печать». Уже отмеченные выше ошибки при написании формулы печати показывают, что речение могло восприниматься как единое слово, теряющее свою первоначальную грамматическую структуру. В дальнейшем это слово не привилось, как не привился и тип обозначенных им печатей.

Следует остановиться еще на одной существенной особенности сфрагистической группы

«Дья́слово». Неразграниченность княжеских и церковных печатей внутри этой группы может быть понята как результат тенденции к унификации буллы, признанной прийти на смену сфрагистическому хаосу предыдущего периода. Однако это слияние княжеских и церковных печатей, применение к документам разных институтов булл одного и того же типа не может не отражать более существенных явлений. Нам кажется, что отмеченная особенность должна свидетельствовать о далеко зашедшем процессе приобщения церкви к государственному управлению, о том процессе, который в Киеве до некоторой степени поддерживал ветшающий стол в эпоху начавшегося феодального распада.

Изложенные выводы относительно датировки и характера печатей с надписью «Дья́слово» были в первоначальном варианте опубликованы в 1962 г.⁸⁰ Эта публикация побудила Б. А. Рыбакова высказать несколько замечаний, имеющих прямое отношение к рассматриваемой проблеме. «По-видимому, — пишет исследователь, — к тайной, секретной переписке относятся значительная группа печатей с надписью «Дья́слово», большую часть которых В. Л. Янин датирует эпохой Святополка Изяславича, когда действительно жизнь требовала большого количества тайных сношений»⁸¹. Из этого замечания очевидно, что Б. А. Рыбаков разделяет наши выводы в их хронологической части, хотя цитированная им статья и прочитана невнимательно, поскольку с эпохой Святополка мы связываем «небольшую часть», а все печати с формулой «Дья́слово». Кроме того, эта «статья в 20 страниц» посвящена не только обоснованию вывода о смысле надписи «Дья́слово», как полагает Б. А. Рыбаков, а главным образом хронологическому анализу булл.

В поддержку своего истолкования надписи на печатях исследователь и на этот раз не выдвигает аргументов, кроме ссылки на поддержку «такого лингвиста, как Ф. П. Филин». Нам, к сожалению, не известны какие-либо исследования Ф. П. Филина относительно надписи «Дья́слово», и поэтому мы лишены возможности оценить его аргументы.

Замечания Б. А. Рыбакова содержат следующую рекомендацию: «В. Л. Янину следовало

⁸⁰ В. Л. Янин. Печати с надписью «Дья́слово», стр. 157—177.

⁸¹ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963, стр. 319.